

**Александр
ЮДИН**

г. Москва

рассказ

Начальник отдела дознания окинул подчиненных тяжёлым взглядом.

— Где конкретные результаты, спрашиваю?

Манеев растерянно посмотрел на товарища — старшего оперуполномоченного Гринько. Тот пожал плечами и придвинул шефу стопку листов.

— Так вот же, вот же, Демьян Василич...

— Что «вот же-вот же»? — передразнил его шеф, прихлопнув листы начальственной дланью.

— Список подозреваемых, — уточнил старший опер Гринько.

— Из сорока семи фамилий?! — рявкнул начальник. — Из них пять депутатов, два членкора РАН, семеро — руководящие сотрудники министерств и ведомств, один член Общественной палаты и ещё чёртова дюжина других... уважаемых людей! Что прикажешь делать с этим твоим списком?

— Ну, мы сейчас пытаемся его как-то сузить, — вновь пожал плечами старший опер.

— Они пытаются! — возмутился начальник. — И сколько вы еще намерены пытаться? Ты понимаешь, что дело на контроле в Генеральной? Ведь похищена не какая-то ювелирная финтифлюшка, пускай бы и дорогая. Украли кольцо, которое император Александр II подарил своей фаворитке, этой... как её?

— Ванде Карощи, — подсказал Гринько.

— Вот именно, — кивнул шеф. — А какой нынче год, тебе известно? Год четырехсотлетия династии Романовых! Считаю, государ-

ственную реликвию, почти святыню «свистнули». Пускай и из частной коллекции, но всё одно. А ну как кольцо за рубежом всплывёт? Это ж национальный позор! И соответствующие кадровые решения. И вообще, это уже пятый случай кражи антикварных драгоценностей за последние полгода. И все — на нашей территории!

— Четыре из них нами раскрыты, — встрял Манеев.

Гринько ткнул его в бок локтем, но Демьян Васильевич уже перевел на Манеева налитые кровью глаза.

— Вами?! Молчал бы лучше... А где, между прочим, похищенное по тем делам имущество?

— Брюлики, думаю, тю-тю, — вступился за младшего товарища Гринько. — Вы ж знаете, Демьян Василич, несмотря на неопровержимость улики, все «злодеи» в полном «отказе». Один, правда, на следствии вину признавал, но в суде, как водится, заявил, что первоначальные показания даны под давлением...

— Ладно, — перебил его начальник, — делать нечего. Ступайте опять на поклон к своей ясновидящей. Только вот что. — Демьян Васильевич помолчал и добавил, значительно чеканя слова: — Об экстрасенсе этом — молчок. Чтоб никому! Даже следователю. Методы нашей работы должны сохраняться в строжайшей тайне. Согласно закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Всё понятно?

— Так точно! — хором ответили оба опера.

* * *

— Вот это-то знаменитое «колье Кароцци» и было месяц назад похищено из квартиры известного коллекционера Ивана Карловича Зябликова-Крузенберга. Главное, обидно: ведь только-только мы с вашей помощью повязали того злодея, что медальон Людовика XVIII «тяпнул» — и снова-здорово. Просто напасть какая-то на наши головы, — рассказывал Гринько, попивая вместе с Манеевым травяной чай в офисе Наины Гималайской — парапсихолога и экстрасенса.

Стены офиса густо покрывали дипломы и сертификаты; в центре, на почетном месте, висел кубок победителя «Битвы экстрасенсов».

— То есть без вас, Наина, никак и никуда! — подхватил Манеев. — Пропадаем буквальным образом. Спасайте!

Наина, миниатюрная, весьма привлекательная брюнетка лет тридцати, сочувственно кивнула и спросила:

— А что же сам Иван Карлович? Наверняка он кого-нибудь подозревает.

— В том и штука! — воскликнул Манеев почти радостно. — Грохнули нашего «терпилу»!

Женщина вздёрнула брови.

— Подожди ты, — недовольно оборвал Манеева старший опер и, обращаясь к Наине, пояснил: — Николай хотел сказать, что прежде чем завладеть ожерельем, похититель расправился с потерпевшим. Летальным, так сказать, образом.

— Как... он это сделал? — тихо уточнила Наина.

— Отравил. Капнул ему в чай батрахотоксина. Между прочим, редкий, экзотический даже яд. Добывается из кожных желез малюсенькой древесной лягушки, обитающей в Колумбии. При попадании в организм — гарантированная смерть в результате остановки дыхания. Вот так вот. Но отсюда вывод: преступление, скорее всего, совершено знакомым потерпевшего. Вряд ли Иван Карлович стал бы пить чай на кухне с незнакомцем. Однако вся проблема в том, что покойный имел о-очень широкий круг общения. Мы, понятное дело, сразу исключили тех лиц, у которых на день убийства алиби. Но всё равно набралось сорок семь человек. И люди-то все, как назло, на-

чальственные да авторитетные — просто так, без достаточных на то оснований, не тронешь! Так вот, я к тому веду, что... может, посмотрите, Наина, а? В смысле, на фотографии потенциальных подозреваемых. Очень хотелось бы заранее знать, который из них злодей. Я понимаю, мы вам порядком поднадоели со своими просьбами. Время опять же отнимаем. А оно у вас — деньги. Но...

— Не стоит оправдываться, — грустно улыбнулась женщина. — Разумеется, посмотрю. Это мой гражданский долг. И запомните: не всё в этом мире измеряется деньгами. Поверьте экстрасенсу.

— Вот бы и остальные граждане этак рассуждали! — восхищенно заметил Манеев.

— Фотографии у вас с собой? — спросила Наина.

— А как же, — подтвердил Гринько, веером раскладывая на столе перед Наинной сорок семь карточек.

Экстрасенс медленно провела над ними ладонью, потом закрыла глаза и, болезненно морщась, стала тереть центр лба указательным пальцем.

— Чего это она? — шёпотом спросил Манеев.

— Тихо ты, — также шёпотом ответил ему Гринько. — Третий глаз настраивает, не видишь, что ли?

По телу женщины прошла судорога. Она застонала:

— Я чувствую... враждебные эманации... Кто-то мешает мне... Некто могущественный...

Оперативники с беспокойством переглянулись.

Наина вздрогнула и резко ткнула в одну из фотографий.

— Этот, — выдохнула она с отвращением.

— Ага! Профессор Пухляков! — воскликнул Гринько и покачал головой. — Восьмой десяток, а туда же.

— Гнида старая, — согласился Манеев.

— Постойте, — подняла руку женщина. — Для полной уверенности мне надо видеть этого человека лично.

— Поехали! — решительно поднялся старший опер.

* * *

Пока Гринько с Манеевым отвлекали профессора Пухлякова разговорами, Наина с отсутствующим видом и вроде бы бесцельно бродила по его квартире; веки её были полужакрыты, казалось, она вот-вот уснёт. Но следящие за ней краем глаза оперативники знали — это состояние называется трансом. Вот она, чуть покачиваясь, остановилась у платяного шкафа, пошла дальше, вернулась и вдруг прижалась к шкафу всем телом.

— Что вы тут всё шарите? — заволновался Пухляков. — Зачем трогаете мою мебель? На каком основании?

— Не обращайтесь внимания, — успокоил его Гринько, — это наш эксперт. Так надо. Значит, вы говорите, что в день убийства Зябликова-Крузенберга находились дома? А кто это может подтвердить?

— Подтвердить? — переспросил Пухляков, нервно потирая руки. — Я одинокий человек, живу здесь совсем один, у меня даже кота нет... Никто не может!

— Выходит, свидетелей того, что вы в тот день никуда из квартиры не отлучались, не имеется, — удовлетворенно кивнул старший опер, переглядываясь с Манеевым.

— А в чём, собственно, дело? — спросил Пухляков и вытер платком покрывшееся испариной лицо. — Уж не думаете ли вы, молодой человек, что это я... Меня вообще не интересуют ювелирные изделия этого периода! Я собираю исключительно «антику»...

— Там зло! — прервала их разговор Наина и с содроганием указала на шкаф.

— Зло? Где? Какое еще зло?! — вскочил профессор точно ужаленный. — Что за цирк?!

— Сидеть! — скомандовал старший опер. — Так, Манеев, дуй за понятами, а я свяжусь со следователем, чтобы взял санкцию на обыск. Без санкции и понятых ничего трогать не будем.

* * *

В ходе обыска в шкафу, среди кип постельного белья, был найден пузырёк с неизвестной жидкостью. Впрочем, ни Манеев, ни Гринько не сомневались — экспертиза покажет, что в пу-

зырьке батрахотоксин. Флаконы с полезным содержимым в белье не прячут! Да и Наина Гималайская ещё никогда не ошибалась.

— Давайте я подвезу вас в офис, — предложил старший опер, когда всё закончилось.

— Спасибо, — согласилась Наина.

— Что вы, Наиночка, это мы вас должны благодарить! От лица российской полиции!

— Только отвезите меня сразу домой, — измученно улыбнулась женщина. — Сегодня я не работник.

В машине, уже на подъезде к дому, Наина вдруг ахнула и схватила Гринько за локоть.

— Что с вами? — забеспокоился тот, вглядываясь в её побледневшее лицо.

— Едва не забыла... Там, в квартире профессора, мне было видение.

— Видение? — насторожился опер. — Что за видение? О чём?

— Следующая серия грабежей будет связана с античным антиквариатом. И снова — трупы, трупы... — Наина со стоном закрыла лицо руками. — Ох, знали бы вы, какое это проклятие — прозревать будущее... Но эта информация важна для вас?

— Ещё бы! Чрезвычайно важна.

— Тогда я постараюсь помочь, — кивнула ясновидящая и обречённо вздохнула: — Я должна. Обязана! Это мой кармический долг перед Космосом.

— Наина, вы просто ангел! Святая! Что требуется от меня?

— Как и в прошлый раз, мне понадобится список всех крупных коллекционеров — для ментального сканирования. Только теперь тех, которые владеют собраниями античных ювелирных украшений.

— Будет сделано! — весело откликнулся Гринько.

Дома, выпроводив, наконец, старшего оперуполномоченного за дверь, Наина подошла к зеркалу. Неожиданно её миловидное лицо исказила язвительная усмешка.

— Идиоты, — пробормотала она, примеряя на шею бриллиантовое кольцо старинной работы, украшенное вензелем «В.К.». — Эзотерические идиоты!

рассказ

Борис Глебович Василисков по праву мог считать себя состоявшимся человеком. Нет, в самом деле, бизнес его колосился и поросился, дети обучались за рубежами Отечества в престижных заведениях и возвращаться не собирались, супруга и обе любовницы катались как сырные головки в сливочном масле его щедрот. Что ещё нужно мужчине, чтобы встретить старость?.. А последняя, увы, была не за горами. Шестьдесят лет — это не кот начихал. Рубежный возраст. По жизни Борис Глебович всегда был лидером. За эти годы он успел с выгодой поруководить плодоносной областью, а потом, обзаведясь первоначальным капиталом, создал собственный бизнес. Создал, возглавил и расширил.

Но шло время, и нужда лично держать руку на пульсе обширного бизнес-хозяйства отпала. Выпестованные им управленцы вполне справлялись с возложенными обязанностями, Василискову же оставалось распределять дивиденды по офшорам. Дело, в общем-то, приятное. То есть, казалось бы, живи и радуйся. Но Борис Глебович был натурой неугомонной, деятельной и к праздности не привык. А какими-либо побочными интересами он так и не обзавелся. Книжек Василисков отродясь не

читал, искусством, даже яйцами Фаберже, не интересовался, спорт ему стал уже не по возрасту. Короче говоря, он немного заскучал.

Видимо, поэтому Борис Глебович все чаще и чаще стал подумывать... о вечном. Не о душе, нет — о ней Василисков со свойственной ему предусмотрительностью загодя позаботился: на кровные средства отгрохал белобетонный храм свв. Бориса и Глеба в нефтеносном Ухрюпине, на малой родине; да и со здешним епископом, владыкой Нектарием, он был на короткой ноге. То есть достойное место в загробном мире Василисков себе обеспечил, это ясно.

А думы же Бориса Глебовича были о том, как бы ему увековечить факт своего существования тут, по месту пребывания, на грешной земле. Чтобы, значит, потомки, в том числе и самые отдаленные, помнили его славное имя. Помнили и чтили. Во веки веков. Из рода в род. Аминь.

На потомков от собственных, так сказать, чресл он не полагался. Внуки не то что деда, а и язык русский наверняка знать перестанут. Совершенно понятно. Надежды на многочисленных гастарбайтеров, что пыхтели на его предприятиях, также были слабы. Может, и

станут поминать, но недолго. И еще не факт, что добрым словом. Разве дождешься благодарности от людей, у которых за душой никакой стоящей недвижимости, ничего святого!..

«Вот умру, — грустно размышлял Василисков, — и тут же все позабудут, даже памяти никакой в веках не останется». «Я тебя, Боря, всегда помнить буду», — заверила его младшая наложница, девятнадцатилетняя Милена, примеряя перед зеркалом презентованное кольцо. «Так ведь и ты когда-нибудь помрешь», — резонно возразил Борис Глебович, хмуро следя за её вертлявым задом. Та обиженно надула губки, но с ответом так и не нашлась. Зато старшая пассия — Юлия, подала ему совет неожиданно дельный.

— Сходи-ка ты, Борис, к госпоже Зине, она может, — предложила Юлия, массируя ему как-то спину.

— Что еще за госпожа Зина? — удивился Василисков.

— Вот ты тёмный какой! Госпожа Зина — потомственная ворожея-целительница в триста третьем поколении, у нее прямая связь с космокармическими энергиями тонкого порядка. Она моей маме бородавку по фотографии свела.

— Ишь ты, — впечатлился Борис Глебович. — Ага, ага, вот тут, разомни хорошенько, а то хрустит прям. — И, болезненно хрюкнув, добавил: — А что? Возьму и схожу.

— Сходи, Борис, сходи! Только на голодный желудок, на сытый она тебя не примет.

— Ишь ты, — еще более впечатлился Василисков. — Меня и не примет?

— Такой у неё порядок, — пожал плечами Юлия. — Госпожа Зина говорит, что сытый человек экранирует излучения Глубокого Космоса, и еще с чакрами у него что-то не то. А! К рукам липнут.

Сказано — сделано. На следующий же день Борис Глебович звонил в дверь, украшенную латунной табличкой: «Госпожа Зина Иванова-Феншуйская. Ворожея на доверии».

Целительница оказалась дамой чрезвычайно дородной, телом она напоминала гигантскую тыкву, а лицом — перезревшую, готовую вот-вот лопнуть грушу. Столь корпулентная фигура уже сама по себе внушала уважение.

Выслушав Василискова, госпожа Зина щелкнула выключателем, и все семь хрустальных ша-

ров на ее столе вспыхнули волшебным голубым светом. Она тихонько пошевелила над шарами пальцами-сардельками, закатила глаза и вдруг принялась протяжно, с подвыванием бормотать: «Для спасенья верных чад я построю Белый град! А в том граде Божий храм, возведу на радость вам! Ты на церкву погляди, вокруг неё походи, Духа свята поищи. Кругом церкви дерева, не руби их на дрова: перво древо — кипарис, друго древо — анис, третье древо — барбарис; ты деревьям тем поклонись да на церкву помолись. Я в той церкви порадею, трудов своих не жалея; накатила благодать. Ать-ать-ать! Стала духом обладать, мать-мать-мать! Накати-ка, накати, мою душу обнови, дух свят, дух! Кати, кати, ух!»

— Ну вот и всё, — утерев вспотевшее лицо, резюмировала ворожея. — Слушай сюда: сейчас, как домой вернешься, сразу включай телевизор. Понял? Он тебе подскажет.

— А какую программу? — уточнил Борис Глебович.

— Любую, — отмахнулась госпожа Зина, — я их все на прием космокармического сигнала настроила. Специально для тебя. Только шибко не тяни — к вечеру в моем ретрансляторе манна небесная иссякнуть может.

Дома Василисков налил себе на два пальца коньяку, сел в кресло и, зажмурившись, ткнул кнопку на пульте. Потом с опаской открыл глаза: показывали «Семнадцать мгновений весны». «Штирлиц знал, что всегда запоминается только последняя фраза», — объявил голос Ефима Копеляна за кадром. Борис Глебович выключил телевизор и наморщил лоб.

Где-то через четверть часа напряженных размышлений смысл космокармического послания до него наконец дошел. Он хитро усмехнулся: не обманула госпожа Зина, это и впрямь была натуральная подсказка! Конечно же, последняя фраза! Именно по ней его и должны запомнить потомки. Совершенно понятно.

И Борис Глебович стал придумывать для себя итоговые слова, с которыми он покинет сей бренный мир и по которым его будут помнить и чтить. Из рода в род. Во веки веков. Аминь.

Только делом это оказалось не таким и простым: на ум лезли все какие-то приземленные, пустяшные слова типа «не поминайте лихом». Либо, напротив, чересчур поэтические, вроде

«нет, весь я не помру...» Ну и так далее. Которые опять же звучали несолидно. Ну что, в самом деле, сказать такого, чтобы уж наверняка всех поразило и каждому запало бы в душу, за самую подкладку?!

И решил Василисков обратиться за помощью к предкам. Полазил по Интернету и выяснил, что все мало-мальски крупные деятели прошлого непременно уходили с каким-нибудь афоризмом на устах. К примеру, Нерон перед смертью воскликнул: «Какой артист погибает!» Хорошо. Правда, хорошо. Но ему, Василискову, не подходит. Могут неправильно истолковать. Артист, понимай, тот же мошенник. Ладно. А чем там титаны духа, философы-ученые и прочие писатели отличились? Ага, вот — немец Кант: «Достаточно!» Сказал как отрезал. И отчалил в мир иной. Что ж, лучше, чем ничего, хотя... Чего достаточно-то? Кому? Хоть бы уточнил, хороняка. Впрочем, немцы, они всегда так. Айн, цвай и алес капут! Так, ну а если среди англичан пошукать? Байрон, лорд, между прочим, объявил напоследок, что пошел спать. И точно уснул. Вечным сном. Или вот Оскар Уайльд, тоже писатель, глянув на обои в гостиничном номере, в котором случилось ему помирать, вздохнул: «Они меня убивают. Кому-то из нас придется уйти». И ушел. Обои остались. Что ж, смешно. С юмором. Но Борис Глебович слышал, что у этого Оскара с ориентацией какие-то проблемы были. Не-ет, шутить да ерничать перед лицом Вечности — удел писак и прочих несолидных личностей. Ему, Василискову, не к лицу.

Римский император Веспасиан изрек: «Кажется, я становлюсь богом». Вот это круто! Тем более Борису Глебовичу как-то кто-то сказал, что лицом он вылитый Веспасиан; тот же широкий лоб, крупный нос и многозначительные морщины. Все так, но Россия не Древний Рим, могут ведь и за богохульство счастье. Каким таким, в самом деле, богом? Не Христом же. Еще проблемы возникнут. С отпеванием. Понапрасну, что ли, он этакую храмину в Ухрюпине отгрохал?

Нет, надо придумать что-нибудь не менее веское, но без двусмысленностей. Чтобы не допускалось двойного истолкования. И при этом чтобы звучало эдак... умно и строго. К примеру, Людовик XIV перед смертью цыкнул на подчиненных: «Чего ревёте? Думали, я бессмертный?!»

Хлестко. Грубовато, так на то он и король. Не прощенья же ему, в самом деле, было просить?

Но более остальных Василискову легли на душу последние слова Генриха Гиммлера: «Я — Генрих Гиммлер». И всё. Точка. Да, просто. Но солидно, веско. Коротко и ясно. Вроде бы три слова только, а всё ими сказано. Я — Борис Василисков. Звучит! На этом и остановился.

Однако тут Борису Глебовичу пришло на ум неприятное соображение. Смерть-то, не приведи, конечно, Господь, но может и как-нибудь того... Внезапно его настичь. То есть без предупреждения. Лопнет какой сосуд в мозгу и — ага! Ну что ты будешь делать? Не одно — так другое. Но сдаваться на милость судьбы Василисков не привык. Стал думать наново. И придумал! Чтобы сократить риски до минимума, решил он всякий разговор начинать и заканчивать заготовленной финальной фразой.

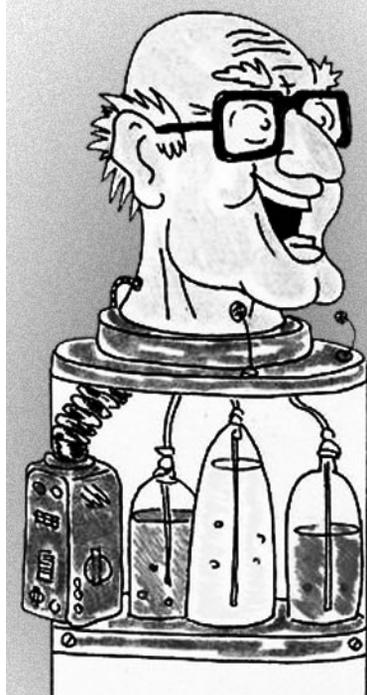
Так с тех пор и повелось. Спрашивает, бывало, его водитель: «Куда теперь, Борис Глебыч?» А он в ответ: «Я — Борис Василисков, считаю, что нам следует отправиться...», ну и так далее. А под конец непременно вернет: «Так полагаю я — Борис Василисков».

Застраховавшись, елико возможно, от зигзагов судьбы, Борис Глебович успокоился и зажил уже в полное свое удовольствие.

Однажды погожим мартовским днем, в самый канун женского праздника, решил Борис Глебович прокатиться до Милены. Или к Юлии заглянуть. А может, и к обеим — как пойдет. Вышел он, значит, из подъезда, а солнышко ему прямо в очи прыскает, брызжет. Усмехнулся Василисков, ладонь ко лбу козырьком приложил. Хорошо! Вдруг местный вахтёр, Ахмет, окликнул его тревожно: «Бориса Глебович! Ай-ай! Смотри, куда нога ступай!»

— Я — Борис Василисков... — по обыкновению начал Борис Глебович, но, опустив глаза на свои туфли, ахнул: — Дер-рьмо! — Ибо, ослепленный солнечным сиянием, вляпался он аккурат в собачью какашку.

И надо ж такому произойти, чтобы в это самое мгновение метровая сосулька, отяжелев от весенних соков, сорвалась с карниза одиннадцатого этажа и шарахнула Бориса Глебовича в темя. И упал Василисков как подкошенный. И более уже не поднялся. Что тут скажешь? Фатум!

рассказ

— Стакан морковного сока, салат и кусочек говядины, — попросил Семёнов.

— Паровой? — зачем-то уточнил официант.

— А что, — хмыкнул Семёнов, — есть жареная? Тогда мне бифштекс с корочкой.

Официант не оценил юмора и холодно заметил:

— У нас легальное заведение.

Потом окинул посетителя взглядом и спросил:

— Можно посмотреть вашу медкарту?

«И кто меня, дурня, за язык тянул?» — мысленно укорил себя Семёнов. А вслух произнёс:

— Тут такое дело... В общем, карту я дома оставил.

— Разумеется, — прищурившись, протянул официант. — Что ж, тогда придётся взвеситься.

Семёнов со вздохом поднялся и встал на электронные весы.

— Увы, — злорадно заявил официант, глянув на табло. — Пять кило лишнего веса. Мясо я вам подать не смогу.

— Ну так подайте что сможете, — раздражённо бросил Семёнов, возвращаясь за столик.

Настроение было испорчено. Даже есть расхотелось. «Ничего, ничего, — попытался утешить он сам себя, — оно и к лучшему. А то ещё килограммов пятнадцать — и как раз «бубновый туз» заработаю. Уж лучше перетерпеть».

Сегодня он, кстати, встретил одного такого бедолагу, понуро бредущего с жёлтым ромбом на спине. «Обжорство — путь к ожирению», — предостерегала жирная чёрная надпись на жёлтом фоне. Прохожие косились на толстяка с неодобрением; молодёжь тыкала пальцами, девушки хихикали.

Семёнов оглядел знакомый полупустой зал. Всё как всегда. Разве что наглядную агитацию обновили. За барной стойкой, над шеренгами разноцветных бутылок с соками, теперь висел плакат с изображением тучного краснолицего мужчины; обливаясь потом, он копал землю ножом и вилкой. Плакат на другой стене предостерегал: «Не берите суши в рот — в них личинки нематод».

Семёнов вздохнул. Ему вспомнились времена, когда в этом самом кафе можно было вы-

* * *

пить кружечку пива и поболеть за любимую футбольную команду. Разумеется, в отдельном зале для выпивающих. И по предъявлении справки из наркологического диспансера. Но шесть лет назад приказом Великого Санитара спиртное окончательно запретили. Впрочем, футбол к тому времени всё равно уже было не посмотреть — профессиональный спорт попал под запрет и того раньше.

Вернулся официант и поставил на стол тарелку с какой-то зелёной тюрей.

— Это что, дерьмо повара? — возмутился Семёнов.

— Нет, это витаминное пюре с нулевой калорийностью и массой полезных минеральных веществ, — бесстрастно пояснил официант. — Приятного аппетита.

Семёнов поковырял вилкой зелёную массу, расплатился и вышел на улицу.

Он не сделал и пяти шагов, как по ушам резанул истошный вой сирены. Мимо промчался растрёпанный мужик, отмахивающийся от роя миниатюрных видеокамер. Беглец хотел было нырнуть в арку, но оказавшаяся рядом женщина ловко поставила ему подножку, и он растянулся на асфальте. А уже в следующий миг над ним, взметая пыль, завис полицейский аэромобиль.

— Кто это? — поинтересовался Семёнов у одного из зевак.

— Курильщик! В скверике, гад, в кустах прятался.

— А если бы его дети увидели? — ахнула тётка с желчным лицом и глазами навывкате. — Совсем стыд потеряли, извращенцы проклятые!

За квартал до дома Семёнов почувствовал, что всё-таки голоден, и заскочил в неприметный продуктовый магазинчик.

— Привет, Егорыч, — обратился он к продавцу, — дай-ка мне батон сервелата.

— Справку об уровне холестерина гони, — мрачно ответил тот. — Колбасные изделия отпускаем только по предъявлении...

— Брось, Егорыч! — перебил его Семёнов. — Ты же знаешь, за мной не заржавеет.

— Ох, лишусь я через тебя лицензии, — пробормотал продавец. — Ладно, спрячь только сразу...

Он воровато оглянулся и быстро сунул Семёнову палку колбасы.

Супруга встретила его, как и обычно, прохладно.

— Опять дрянь в дом принёс, — потянув носом, проворчала она. — Знает ведь, что я веганка. Не-ет, всё одно тащит и тащит всякую дохлятину. У-у, трупоед! Когда-нибудь лопнет моё терпение, так и знай. Вот сообщу куда следует про все твои грязные делишки. Думаешь, я слепая? Глаза б мои на тебя не глядели...

Семёнов молча прошёл на кухню. Он достал бездрожжевой хлеб с отрубями и уже собрался порезать сервелат, но вовремя заметил две видеокамеры, прицепившиеся одна — к занавеске, другая — к потолку. Вот чёрт! Видно, в форточку залетели. Пришлось ужинать в туалете. «Минздрав предупреждает: чрезмерное употребление высококалорийных продуктов может стать причиной сахарного диабета, сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, ведёт к ожирению, преждевременному старению и мучительной смерти», — гласила надпись на колбасной оболочке.

— Ты один, что ли, в квартире живёшь? — не унималась супруга. — Теперь весь туалет провоняет! Только о себе и думаешь...

Семёнов сел в кресло и включил телевизор. Показывали какой-то фильм, судя по всему, старый, поскольку лица и руки персонажей то и дело заслоняли жёлтые цензурные ромбы.

— Я пошла спать, — заявила супруга.

Семёнов остался сидеть в каком-то оцепенении. Неожиданно фильм прервался и замигал огонек связи; на экране появился человек в черном с серебром мундире с двумя латинскими «S» на лацканах — инспектор санслужбы.

— Здравствуйте, Семёнов, — произнёс инспектор.

— Здравствуйте.

— Напоминаю, что подошёл срок исполнения вами супружеских обязанностей. Как учит Великий Санитар, умеренность и регулярность — основа семейного здоровья. А здоровая семья — залог здоровья общества. Успехов вам, Семёнов.

— Спасибо, — машинально ответил он.

— Да, и прекратите каждый вечер торчать у телевизора. Это прямой путь к гиподинамии. Займитесь лучше бегом трусцой.

– Хорошо.

– Пока это лишь рекомендация, но... – инспектор значительно шевельнул бровями и отключился.

– Ну, мне долго ждать? – донеслось из спальни. – Или приказы Великого Санитара не про тебя писаны?

Странное чувство охватило Семёнова: словно что-то сломалось у него внутри. Он медленно встал и вышел на балкон. Там в укромном месте отыскал мятую пачку с одной-единственной сигаретой и коробок спичек.

Почти сразу подлетели две видеокамеры – глаза и уши Великого Санитара – и заинтересованно зависли в воздухе. Семёнов показал им средний палец, чиркнул спичкой и закурил.

Сирена взвыва секунды через четыре. Значит, скоро появится оперативная сангруппа.

Когда в дверь принялись барабанить, Семёнов в две глубокие затяжки докурив сигарету до самого фильтра, перелез через перила и прыгнул.

* * *

Очнулся он в просторном помещении, залитом слепящим электрическим светом. Белые простыни, белый потолок, белая дверь. Откуда-то сбоку слышались ритмичные звуки, словно кто-то тяжело вздыхал. Или накачивал велосипедную шину. Сильно пахло хлоркой и лекарствами. «Больничная палата», – сообразил Семёнов.

В поле его зрения попало какое-то движущееся желтое пятнышко. Он присмотрелся: по простыне, укрывавшей его до самого подбородка, деловито полз рыжий таракан. Семенов попытался его смахнуть. И тут же понял, что не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже шея отказывалась ему повиноваться! Он хотел застонать, крикнуть, но не смог и этого.

Изо рта у него торчала прозрачная гофрированная трубка. Он скосил глаза: трубка тянулась к установленному на металлическом кронштейне агрегату, именно он издавал те самые ритмичные вздохи. Аппарат искусственного дыхания. Господи, ужаснулся Семёнов, неужели он и дышать самостоятельно не может?!

Дверь распахнулась, и в палату вошёл человек в застиранном синем халате, по всей видимости, санитар. Подойдя к Семёнову, он склонил к нему круглое лоснящееся лицо, моргнув близко посаженными глазками и ухмыльнулся. Потом проследил за взглядом Семёнова и увидел таракана. С неожиданной ловкостью поймал его двумя толстыми пальцами и принялся с любопытством рассматривать, качая круглой головой и причмокивая. «Самочка, – констатировал санитар и добавил почти с нежностью: – Детки скоро будут». Но тут же намурился, словно обдумывая некую важную мысль. Вдруг он выдернул изо рта Семёнова трубку, сунул в неё таракана и быстро вставил трубку обратно. Эти манипуляции заняли у него не более секунды. Прусак побежал сначала вверх по трубке, но поток воздуха отправил его Семёнову прямо в рот. Семёнов почувствовал щекотку на языке и нёбе. Он попробовал выкашлянуть отвратное насекомое, но лишь выпучил от бесплодного усилия глаза. Санитар всё это время с жадным интересом наблюдал за Семёновым.

Тут дверь снова отворилась, и два дюжих медбрата медленно вкатили в палату что-то громоздкое. Какой-то медицинский прибор. Круглолицый санитар одной рукой приподнял Семёнова за плечи, второй взбил подушку и осторожно уложил его обратно. Затем отступил на шаг, посмотрел скептически, вернулся и подтянул его повыше. Закончив с этим, он хлопнул Семёнова по плечу, заговорщически подмигнул и исчез.

Теперь обзор у Семёнова заметно расширился. Он увидел, что прямо перед его кроватью установлен металлический столик, а на нём, опутанная разноцветными трубками, находится человеческая голова. По обеим сторонам от головы часовыми застыли медбратья. Но его сейчас больше заботило то, что таракан проник в гортань и, кажется, намеревался продолжить путешествие. Семёнова окатила волна брезгливого ужаса.

Голова открыла глаза и уставилась на лежащего. «Да это же Великий Санитар», – догадался Семёнов. Ошибиться было невозможно – эти впалые щеки, этот цепенящий взгляд из-под чёрных бровей он видел на экране ты-

сячи раз. Так вот почему по телевизору всегда показывали только его лицо!

Один из медбратьев подкрутил какой-то вентиль, и изо рта Великого Санитара раздалось шипение. Голова пожевала губами и укоризненно произнесла:

— Эх, Семёнов, Семёнов. Разве можно так наплеватьски относиться к собственному здоровью? Ведь тебя пришлось едва ли не по кусочкам собирать. А как иначе? Я ж вас всех как родных люблю. И мне дорог каждый из вас, каждый гражданин. Пускай даже он временно сбился с пути истинного... Но отчего, скажи на милость, вас всех так и тянет ко всякой мерзости? Не пойму. Свиньи вы, а не граждане! Ох, недаром свинья по своей физиологии столь близка человеку — сама природа указывает людям на их место в эволюции.

Вдруг голова засипела и принялась отчаянно вращать глазами. А Семёнов ощутил болезненное покалывание где-то в пищеводе. Кажется, вынужденный подселенец решил попробовать его на вкус. Осваивает территорию? Семёнов с тошнотворной ясностью представил, как внутри него, точно в живом инкубаторе, вылупляются сотни шустреньких таракашек. Беззвучный вопль плескался у него в мозгу, но не мог пробиться за пределы черепной коробки. Тем временем один из

медбратьев поправил ведущие к голове провода и трубки, пощелкал тумблерами, и Великий Санитар продолжил:

— Вот, посмотри на меня. Сколько, думаешь, мне лет? Сто сорок. А все как огурчик. Потому что никогда ничем не злоупотреблял. Не пил, не курил, по утрам бегал трусцой, а кушал только постные продукты отечественного производства... Ну что же ты всё молчишь, Семёнов? Нечем крыть? Ах, ну да, говорить-то теперь ты не можешь. И двигаться, увы, тоже. Ничего не попишешь — спинной мозг повреждён... Ну, не переживай! Поверь: всё к лучшему в этом лучшем из миров. Зато так соблазнов меньше. Сейчас вот подключим тебя к внутривенному питанию, витаминчики прокалем, клистирчик сделаем. И будешь ты у нас жить долго и счастливо... Долго, очень-очень-очень долго!

Послышались какие-то отрывистые, напоминающие лай звуки — Великий Санитар смеялся.

□

Александр Валентинович ЮДИН

родился в 1965 г. в Москве.

Юрист.

Пишет прозу.

Публиковался в журналах «Полдень XXI век», «Юность»,

«Наука и жизнь», «Знание — сила», «Искатель»,

«Мир Искателя», «Наука и религия»,

«Я» (США), «Edita» (ФРГ) и др.,

а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010»,

«Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»),

«Самая страшная книга-2014» («АСТ»).

Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.),

«Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с С.Юдиным).

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

